

Знакомство

Моррис Фернандез

- Ты понял всё? Добавляй ингредиенты в порядке, как я тебя учил. И давай, удачи тебе, - мужчина отключил телефон и занял место в бизнес-классе самолёта. Последнее время он летал только в бизнес-классе. Тут можно посидеть и подумать, насладиться тишиной. Это было очень кстати. Особенно сейчас. Ему предстояло подумать и выбрать тактику общения с дочерью и её, как она сказала? Мистером Мотидзуки?

Пятичасовой перелёт подошёл к концу, позади остался и паспортный контроль, и он вышел на улицу. Позвонил водителю посольства, который должен был его встречать, и подошёл к мусорке. Достал из кармана сигарету и закурил.

- Ты знаешь, что она тебя убьёт? - подошёл к нему друг-водитель.

- Это мне помогает успокоиться. Гильермо, я вот не могу принять её выбор, и меня это нервирует.

- Это её выбор. Твоя малышка Яри уже выросла. Позволь ей самой выбирать. Вспомни мою Марию.

Моррис ничего не ответил и молча затушил сигарету. Весь путь он молчал, думая, не торопит ли он события. Ему нужно было доделать дела в Мадриде, обучить своего преемника, а жена попросила его поехать вместо этого в Россию и поговорить с дочерью и её кавалером. Она не могла поехать - осталась со своей бабушкой. А вот ему не очень хотелось разговаривать на эту тему сейчас.

Дочь и её мсье Мотидзуки должны были приехать вечером на следующий день. Моррис подготовился к этой встрече основательно, приготовив поесть, накрыв стол и клятвенно пообещав Лауре не срываться и вести себя снисходительно и гостеприимно. К тому же жене понравилась фотография этого японца, по её мнению, он был очень даже милым. Но Моррис так не считал.

Яреци Фернандез

Неделю назад она прилетела в страну, гражданство которой она пока так и не получила, но которую любила всем своим сердцем. Она разобралась с институтом, предоставила все необходимые документы. Максим так и не помог ей, она узнала, что он во время сессии забрал свои документы и перевелся в МГИМО. Но и без него она со всем справлялась. У нее была хорошая репутация среди нескольких преподавателей, в том числе у своего куратора, преподавательницы истории. Она-то и помогла Яреци восстановиться. И у нее был человек, который в это время оказывал ей поддержку и помощь.

Она старалась никому ничего не рассказывать о том, почему так резко исчезла, ограничиваясь фразой о болезни, не вдаваясь в подробности. В принципе, она не сильно врала, говоря о том, что заболела. Только вот заболела она не "чем", а "кем". Иногда эти мысли ее не покидали, и она, вспоминая историю родителей Дарсии, которую та ей вскользь поведала, боялась, что ее настигнет та же участь. Эти страхи не были ничем обоснованы, но только она не могла от них избавиться. И

иногда они её гложили. Она чувствовала, что засасывает себя всё глубже в болото, из которого ей уже не выбраться. Она хотела начать этот разговор с родителями, но в то же время она сильно боялась его. И дело было не в том, примут они Тору или нет, убьют её за то, что она лишилась девственности до своего совершеннолетия, но в том, что она абсолютно не знала, что нужно делать. И ведь совета спросить не у кого.

В квартире она появлялась несколько раз, предпочитая жить у Тору в номере. И вот несколько дней назад ей позвонила мама с предложением помириться с папой и вопросами о Тору. Девушка много утаила, просто сказав, что да, влюбилась в этого японца. И переслала фотографию Тору. А потом мама сказала, что папа скоро приедет, и он очень хочет познакомиться с ним и помириться с ней. Яреци тоже хотела помириться с папой, но боялась, что он не примет Тору. А потом папа ей написал смс, что он их ждёт завтра.

Сегодня Яреци заметно нервничала, но всеми силами старалась скрыть свои страхи. Утром она поехала на учёбу, а потом договорилась с Тору встретиться на остановке и пойти с ним в квартиру. Она молчала. Они зашли в магазин и купили хорошую бутылку виски. Папа любит этот напиток, ему должно понравиться. Подходя к дому, она на секунду остановилась и крепко взяла своего любимого за руку. Закрыла глаза и постаралась успокоиться. Стало страшно.

Она посмотрела на дверь и, не решившись её открыть ключом, позвонила в звонок.

Тору Мотидзуки

На его счастье, Яреци, согласившись немного передохнуть в отеле, не ушла от него через несколько часов, как, собственно, и на следующий день, и еще через день... Так что время до приезда ее отца они проводили более чем приятным образом, не забывая, впрочем, о насущных вопросах. Яри не без труда и благодаря поддержке некоторых лиц все же восстановилась в институте, а он сам встретился с ожидающими его представителями его первой школы воинских искусств и начал проводить обещанные семинары.

Заинтересованных с каждым днем становилось все больше, поскольку носители традиции нечасто баловали затяжными визитами своих русских последователей. К тому же ему было не только что показать, но и рассказать с учетом его теоретических знаний в области развития классических японских воинских искусств. Поэтому свободное время, которое можно было потратить на знакомство с Москвой, стремительно уменьшалось. Как бы там ни было, они с Яреци, помимо обычных прогулок, успели сходить в театр, посетить несколько музеев и даже сделать пару совместных фотографий, что для Тору, не фотографировавшегося для себя уже лет так десять, стало несомненным достижением.

Но все эти приятные дни пролетели, как одно мгновение, и наступил момент, во многом ради которого он и прилетал в далекую Россию - знакомство с отцом Яреци. До этого момента Тору и близко не подходил к родительской квартире девушки, поскольку его туда не приглашали, и вот теперь стоял уже практически на ее пороге. К этой встрече японец готовился тщательно, начав со своего внешнего вида. Но как бы он не посвежел за последнее время, скинув внешне несколько лет, и как бы

тщательно не был подобран его костюм, он никак не мог изменить того факта, что выглядел пусть и представительным, но все же мужчиной давно за тридцать. По дороге, чтобы не идти с пустыми руками, они купили бутылку дорогого виски, хотя сам Тору надеялся, что сегодня обойдется без алкогольных приключений. Он не знал, чем закончится сегодняшняя вечер, но надеялся, что раздавшийся резкий звонок, оповещающий об их прибытии, не станет началом настоящей катастрофы.

Моррис Фернандез

Больше всего на свете Моррис не любил опозданий. Он с самого раннего детства, с какого себя помнил, приучался вставать в одно и то же время, всегда приходиться вовремя, быть обязательным. В институте он не менял свои привычки, стараясь, тем не менее, не быть занудным, а жить в свое удовольствие. Единственный человек, которому он разрешил опаздывать, была его жена Лаура. И то такую привилегию она заслужила совсем недавно. Лет пять назад. Даже дочери он запрещал опаздывать, особенно к ужину. Как-то раз даже отказался ее кормить потому что она загулялась с подругами и опоздала на ужин на целых полчаса.

Поэтому дочь усвоила тот давний урок. И звонок в дверь раздался в тот момент, когда минутная стрелка на часах перепрыгнула на цифру 12. Моррис отошел от окна и открыл дверь. Посмотрел на дочь. Она выглядела испуганной, и это ее несчастное выражение лица, чуть не заставило его губы расплыться в улыбке. И это непременно бы произошло, если бы не присутствие человека рядом с ней. Он вздохнул и поборол в себе желание обнять дочь. Он снова стал серьезен и хмур. Но этикет требовал определенных действий.

- Добрый вечер, мсье Мотидзуки, - на английском произнес он, протягивая руку для рукопожатия и скептически посмотрев на него. Потом пропустил их в квартиру. - Рад с Вами познакомиться.

Когда они вошли в квартиру, он закрыл дверь. Посмотрел на дочь.

- Покажи своему мсье где что находится, и я жду вас в гостиной.

Возможно, это прозвучало слишком резко и некрасиво. Но реальность оказалась несколько другой, чем он ожидал. Не то, чтобы Тору ему совсем не понравился, скорее наоборот, но вот не мог он просто так принять этот факт. Не мог и не хотел.

Яреци Фернандез

- Всё же будет хорошо, Тору? - тихо спросила девушка, сильнее сжав руку мужчины. Она слишком сильно нервничала. А ещё у неё появилось какое-то предчувствие, что всё может быть не так радужно и красочно, как она себе рисовала последние дни. Что-то может пойти не так.

Ожидание выматывало, и ей показалось, что прошла целая вечность. Дверь открылась, и она увидела своего любимого папу. Последний раз она видела его почти четыре месяца назад, когда поссорилась с ним. И она не знала, что делать, как быть с ним. В первую секунду она хотела броситься ему на шею и обнять его, но он выглядел отстранённым и хмурым. И очень серьёзным. Она сглотнула и сильнее сжала руку Тору.

Голос у папы был холодный и строгий. И это "мсье Мотидзуки" сильно резануло по ушам, будто оно являлось вызовом к чему-то нехорошему. Она сглотнула и вошла в квартиру. Когда папа скрылся в гостиной, она сняла свои кроссовки и куртку и посмотрела на Тору.

- Он всегда такой, если его что-то волнует. Не переживай, он... он на самом деле добрый... - в голосе не было уверенности, что действительно всё будет хорошо. Она боялась.

Она показала, где можно помыть руки, потом посмотрела на Тору и неуверенно вошла в гостиную. Папа стоял у окна и был задумчив.

- Папа, познакомься, это Тору... - тихо и испуганно сказала она.

Тору Мотидзуки

На вопрос девушки, прозвучавший еще до того, как дверь открылась, Тору только кивнул. Он не хотел давать красивых обещаний, если не мог гарантировать их исполнение, но собирался сделать все от него зависящее, чтобы разрешить эту неприятную ситуацию с отцом Яреци. И при любом развитии событий отказываться от девушки и их отношений он не собирался.

Наконец, томительное ожидание закончилось, и перед ними предстал сам Моррис Фернандес, демонстрируя, что он не жуткий ёкай, жаждущий полакомиться его плотью, а вполне себе обычный человек. Причем Тору уже с первых секунд бросились в глаза две вещи: несмотря на ссору, Моррис был рад своей дочери и не испытывал особого удовольствия от того, что рядом с ней находится его японская физиономия.

Холодный голос отца Ярецы и его немного издевательский тон Тору не удивили и уж тем более не напугали. Он ждал чего-то подобного, так что ответил на приветствие аналогичной репликой, произнесенной ровным безэмоциональным тоном, коротким поклоном, принятым в японской традиции и ответным рукопожатием. Последнему Мотидзуки уделил особое внимание, поскольку оно могло рассказать больше, чем десятки пустых формальных слов. Тору постарался, чтобы рукопожатие не стало преувеличенно крепким, демонстрируя отсутствие стремления вступить в конфронтацию, но оказалось достаточным твердым и способным передать его готовность при любом развитии событий стоять на своем.

Пока Яреци снимала кроссовки, Тору успокаивающе провел рукой по ее спине, показывая, что ей не стоит так сильно волноваться. Со своей верхней одеждой и обувью он справился быстрее девушки и отправился, по ее указанию, мыть руки, вернувшись к тому моменту, когда она уже была в гостиной. Собственно, ее отец прекрасно знал, что он Тору, и, возможно, это японское имя уже не раз преследовало его в кошмарах, но Мотидзуки никак не стал комментировать слова девушки, снова в знак приветствия ненадолго склонив голову.

- Мы не хотели идти с пустыми руками, - Тору изначально решил быть с отцом девушки предельно открытым и прямолинейным, - поэтому позвольте передать вам

этот небольшой символ нашего расположения и желания наладить отношения.

Тору протянул бутылку Моррису, ожидая ответной реакции. Его голос звучал все так же ровно, как и при их первой встрече у двери, не выдавая волнения и неуверенности в успехе затеянного предприятия. Уж что, а скрывать свои эмоции он научился мастерски, по крайней мере от тех, кто не знал его достаточно хорошо, чтобы не разглядеть бушующую внутри бурю в выражении его глаз или в мелком подергивании мимических мышц.

Моррис Фернандез

Рукопожатие было сильным и уверенным. Голос гостя, который, при каком-то раскладе может стать и членом семьи, чего Моррис не хотел, но Лаура хотела, был уверенным, спокойным. Внимательные глаза заскользили по лицу мужчины и увидели только сухую, лишённую каких-то эмоций оболочку. Либо этот человека ничего не боялся, либо умел очень хорошо прятать свои эмоции. Если так, то это даже лучше.

Он стоял у окна и, пока дочь и гость возились в гостиной, думал о своём преемнике. Надо бы завтра ему позвонить, спросить, как день прошёл. Всё-таки нельзя оставлять работу в самый ответственный момент. Хотя вот то, что произойдёт сейчас, было ответственнее в тысячу раз. Он глубоко вздохнул и посмотрел на пачку сигарет. Услышал тихий голос дочери и в очередной раз удивился её способности ходить почти бесшумно. На её слова он отвечать не стал, удостоив лишь только гостя взглядом. Когда Мотидзуки протянул бутылку, левая бровь мужчины поползла вверх, и он подошёл ближе и принял подарок. Это была бутылка старого доброго "Chivas Regal". Коротко кивнув и отметив про себя, что мужчина выглядит вполне уверенным, он отставил подарок в сервант, посмотрел на непутёвую дочь, которая столбом стояла чуть позади гостя, вздохнул и жестом руки пригласил к столу. Что же, можно сначала начать с обычных бесед, как это обычно бывает.

- Впервые в России, мсье Мотидзуки? Каков ваш род деятельности? Чем вы тут планируете заниматься? - он постарался сделать свой голос чуть мягче, чтобы не пугать дочь и как-то разрядить обстановку.

Яреци Фернандез

Ей показалось, что папа смотрит на Тору очень холодным взглядом, который говорит только об одном - случится что-то страшное. Папе не нравится Тору? Папа не примет его? Или... она себе всё напридумывала? Стало страшно, и она, молча проследив за передачей подарка, снова захотела взять Тору за руку, но папа пригласил их к столу. Она скромно села рядом с Тору и положила руки на колени, искренне надеясь, что папа не начнёт молиться, как это он иногда делал. Нельзя сказать, что она не любила это, просто последний раз она молилась перед едой и сном до своей первой поездки в Китай, то есть очень давно. И слова молитв она не помнит. И папе это могло бы не понравиться. Но он не стал соблюдать эту традицию, за что она была готова его расцеловать, если бы не обстоятельства.

Он стал говорить с Тору, и она хотела что-то вставить, но папа не любил, когда прерывают беседу. Поэтому она молча опустила голову и вздохнула. Она всегда старалась вести себя тихо и никому не мешать, собираясь с многочисленными

родственниками за столом. И отвечать только на те вопросы, которые были адресованы ей.

Краем глаза она увидела, как папа мешал салат, и решила взять инициативу в свои руки, чтобы хоть напомнить о себе присутствующим. Привстала и разложила салат по тарелкам. Сначала папе, потом Тору, затем себе. И снова села и осторожно посмотрела на папу.

Тору Мотидзуки

Пока все шло не то, чтобы хорошо, но, по крайней мере, приемлемо. Отец Яреци принял подарок и даже не попытался разбить бутылку о его голову. Что уже можно было считать своего рода достижением. Яри продолжала нервничать, и Тору очень жалел, что не может взять ее за руку и немного успокоить, чтобы лишний раз их физическим контактом не провоцировать Морриса, наверняка понимающего, насколько далеко зашли их отношения.

За приглашением к столу последовали вопросы, ответы на которые могли во многом определить дальнейший характер их беседы, но Тору, единожды приняв решение быть предельно честным, не собирался сходить с выбранного пути и пытаться приукрасить какие-то отдельные моменты.

- Да, в России я впервые. - Тору радовался, что отец Яреци, как и он сам свободно говорит по-английски. В противном случае пришлось бы просить выступить в качестве переводчика и без того нервничающую девушку, что только бы затруднило их общение. - По образованию я историк. Сфера моих научных интересов - история классических японских воинских искусств. Сейчас работаю, преимущественно, на контрактной основе и занимаюсь написанием статей. В России на данный момент провожу семинары по работе с конкретными видами оружия, ну а что будет дальше... - Тору сделал небольшую паузу и внимательно посмотрел на отца Яреци, - это зависит от обстоятельств.

Он не стал скрывать, что его работа, по большому счету, носит непостоянный характер. И за месяцами, заполненными большим количеством предложений, может следовать время затишья, в том числе и финансового. Правда последнее было, скорее, связано с его собственным желанием взять паузу и не заниматься ничем, кроме обычных тренировок. Поскольку живя в монастыре, он без особого ущерба для своего общего благосостояния мог спокойно себе это позволить.

Моррис Фернандес

Моррис бросил короткий и хмурый взгляд на дочь, думая, что же такое творится в ее голове, что она выглядит запуганной. Создавалось такое ощущение, что она боится находиться рядом с ним. Вряд ли ее так запугал этот ее мсье Мотидзуки. Или же его догадки верны, и дочь уже давно не девственница, а потому боится в этом признаться, ожидая его гнева?

Он покачал головой и разлил по стаканам морс из черной смородины и клюквы. Потом сцепил руки в замок и положил на них подбородок, задумавшись об ответе на свои вопросы. Мсье Мотидзуки отвечал коротко и ясно, как и подобает человеку, знающему свое дело. В принципе, другого он не ожидал от этого человека.

Потом снова посмотрел на дочь. Он совершенно не знал, что ему делать, какое решение принять, чтобы оно было верным. Ему, как и любому адекватному и любящему папе хотелось счастья своей дочери. И если он хочет, чтобы его малышка Яреци была счастлива, то, наверное, надо принять это? Но как принять тот факт, что ухажер дочери старше на двадцать лет?

- И что ты в нем нашла? - спросил он у дочери на испанском, понимая, что его голос звучит не дружелюбно. - Иди на кухню, подогрей кесадилью. Я должен поговорить с твоим мсье наедине.

Когда дочь ушла, он посмотрел на Тору.

- Как давно вы любите мою дочь? Полагаю, вы понимаете, что она еще слишком молода, чтобы понимать всю серьёзность ситуации? И можете ли вы с уверенностью утверждать, что не бросите её в трудной ситуации? - Его глаза холодно сверкнули. Ожидая ответа, он принялся есть салат, прокручивая в голове дальнейшие варианты развития событий. Если бы здесь была Лауритта, то было бы намного проще - она умела создавать дружелюбную атмосферу и вести непринуждённые разговоры. Может быть именно поэтому ему, Моррису, и понравился Максим, сокурсник Яреци?

Яреци Фернандез

Еда, приготовленная папой, пахла просто божественно, но девушка настолько сильно нервничала, что совершенно не хотела есть, хотя до этого она чувствовала голод. Ведь поела она только завтрак в отеле, а потом была на учёбе, а после сдала очередной экзамен. Самый сложный. По истории. А завтра должен быть другой экзамен. На этот раз последний. И к нему надо подготовиться. Но вот почему-то сейчас нет сил готовиться к экзаменам или вступать в разговоры. Она чувствовала сильное раздражение папы и уже думала, что, наверное, стоило отказаться от этого предложения познакомиться его с Тору. Вдруг из этого ничего не выйдет?

Она не слышала ответ своего любимого, но поймала неприветливый и раздражённый взгляд отца, когда он задал ей вопрос. Она только захотела ответить, как он отправил её на кухню подогревать кесадилью. Она кивнула и, не говоря ни слова, вышла из гостиной. Каждый шаг отдавался болью в голове, страх сковал все её тело, и она подумала, что, наверное, это эгоистично, но хорошо, что какое-то время она не будет видеть глаза отца, в которых плескался гнев. Такой же, как тогда, когда она знакомила его с Пашей...

Из рук всё валилось, хотелось забиться в угол и стать незаметной, но она с большим трудом справилась со своими эмоциями и поставила на плиту остывшую кесадилью. Стала помешивать, прислушиваясь к голосам в гостиной. Но вот слышно не было, и она подошла к двери и затаила дыхание, услышав папины вопросы. И стала ждать ответов Тору. Сердце колотилось так громко, что казалось, это слышал весь дом, а не только папа с Тору...

Тору Мотидзуки

Резкие слова на испанском, адресованные Яреци и явно содержащие какой-то

вопрос, связанный с его персоной, заставили Тору напрячься. Сейчас он очень жалел, что в свое время не уделил достаточного внимания изучению большого количества иностранных языков. Хотя откуда ему было знать, что его угораздит влюбиться в юную мексиканку, проживающую в России и из-за этого оказаться в ситуации, когда знание испанского языка оказалось бы весьма кстати.

Пока Тору размышлял на тему пользы предвидения, Моррис отправил дочь на кухню и решил немного побеседовать с ним наедине, заставив Мотидзуки чуть ли не вздохнуть с облегчением. Он сильно переживал за Яреци и предпочел бы разобраться со всеми скользкими моментами без ее присутствия, чтобы лишний раз не расстраивать девушку, если все пойдет кувырком. Что было весьма вероятно с учетом шаткости их положения.

- На первый вопрос ответить не так-то просто, поскольку он касается достаточно тонких материй. - Отец Яри не стал тянуть время, сразу перейдя к волнующим его моментам. - Но осознал я это, когда Яреци неожиданно вернулась из России раньше обещанного времени. - Тору не собирался рассказывать душещипательных историй о большой любви, продолжая, как и до этого, констатировать факты.

- И да, я прекрасно осознаю, что она еще очень молода и может, в силу возраста, смотреть на вещи иначе, но я, в любом случае, готов взять на себя ответственность за ее будущее. Собственно, если бы я не был уверен в том, что смогу поддержать ее в любой трудной ситуации, я бы не прилетел в Россию, не оказался за вашим столом, да и вообще, изначально не подошел бы к ней ближе, чем на метр. Я понимаю ваше беспокойство, но надеюсь, вы уже успели заметить, что я не из тех, кто предпочитает носить розовые очки и не думать о последствиях своих действий.

Тору замолчал, давая отцу Яреци возможность "переварить" свои словами. Возможно другой на его месте стал бы горячиться, что-то эмоционально доказывать и пытаться убедить Морриса в своей большой любви к его дочери. Но подобное поведение больше подходило глупому юнцу, а не зрелому мужчине, коим он являлся. Так что он старался показывать себя максимально спокойным, собранным и рассудительным. А эмоции... Их Тору собирался приберечь для Яреци.

Моррис Фернандез

Слушая ответы мсье Мотидзуки на свои вопросы, он уловил две мысли, крутящиеся в голове. Судя по всему Лауритта оказалась права, когда, показывая ему фотографию избранника дочери, сказала, что этот человек её подходит, что даже по фотографии было видно, что он образован и способен нести ответственность за свои поступки. Сейчас Фернандез понимал, что и сам чувствует к этому человеку не изначальную холодность, а что-то другое. Он, конечно, пока не готов принять его в семью, помня и зная рассказы и знакомых, и друзей, да и родственников жены. Взять хотя бы Рикардо, младшего брата Лауры. Клялся он своей девушке в верной любви, его приняли в семью, а потом, когда с девушкой что-то случилось, он быстро бросил её на произвол судьбы. И вроде ему тогда было лет около сорока. И весь был хороший.

Но вторая мысль ему тоже не давала покоя. Он не хотел так скоро отпускать дочь. Она для него была всё ещё той маленькой непослушной и любимой Яри, которую

нужно оберегать и любить. Он даже представлять не хотел, что будет делать, если этот человек увезёт её в Японию, познакомит с традициями своей страны. Там вроде бы жены должны сидеть дома, ему кто-то рассказывал.

- Хорошо, - кивнул мужчина уже спокойным голосом, хотя в нём ещё чувствовались нотки недовольства и раздражения. - допустим, я вам поверю. Но кто мне даст гарантии, что...

Договорить он не успел, так как его отвлёк звонок телефона. Он извинился и подошёл к подоконнику, на котором рядом с пачкой сигарет лежал мобильный. Из динамиков послышалась нервная испанская речь, очень истеричная и громкая. Он вздохнул.

- Успокойся и скажи нормально... Что ты сделал? Ты совсем кретин? Ты... - он отключил телефон. - Идиот. Боже, какой идиот!

Настроение испортилось из-за его преемника. Тот умудрился перепутать приправы и вместо кардамона добавил в блюдо корицу. Это же каким надо быть идиотом, чтобы такое перепутать! Он запорол такое замечательное блюдо, а ведь сегодня как раз должны приехать в ресторан важные люди, в том числе и кулинарный критик, и от их визита может зависеть получит ли ресторан звезду Мишлен или нет. А тут ещё и Яреци, которая притащила своего мсье знакомиться. Чёрт, как же всё не вовремя.

Он положил телефон обратно и направился на кухню, ещё раз извинившись. Кесадилья подгорела, и это вызвало у него волну агрессии. Он дал пощёчину дочери.

- Идиотка! - прошипел он. - Ты даже не можешь подогреть блюдо! Ты думаешь, что твой мсье будет жить с такой неумехой? Тебя нужно выпороть хорошенько ремнём! Через несколько дней ты улетаешь со мной в Испанию. Я не разрешаю тебе видаться больше с этим человеком.

Яреци Фернандез

Яреци стояла очень тихо, стараясь не дышать, и слушала, что отвечал на папины вопросы Тору. Чётко и по делу. И папин голос стал вроде бы мягче. Она сильно сжала руки в кулаки, надеясь, что сейчас вся эта пытка закончится. Она обнимет папу, он разрешит Тору быть её любимым человеком, теперь уже официально, и все будут счастливы. Как бы ей этого хотелось. Как бы хотелось перестать бояться и переживать. Как хочется быть любимой и счастливой.

Но, к сожалению, всё было не так прекрасно, как она себе напридумывала. Папе кто-то позвонил и, судя по его раздражённому голосу, там случилось что-то серьёзное. Она услышала тяжёлые папины шаги к двери, и очень быстро и по возможности тихо побежала на кухню, наступая на одни только носки. Блюдо из курицы подгорело, и папа это увидел. Она сглотнула, глядя на его разъярённое лицо, и побледнела.

А потом он дал ей пощёчину, и она прислонила ладонь к щеке. В глазах застыли слёзы, и она затравленно посмотрела на него. Задрожала и вся внутренне сжалась, когда он стал говорить всякие ужасы про то, что запрещает ей видаться с Тору.

- П... папа... - она подошла к нему, когда он замолчал, и взяла его за руку. - У тебя что-то случилось? Прости... я... давай я приготовлю яичницу... я... я люблю Тору, я... я поехала туда, когда мне показалось, что он сильно пострадал. Он был болен... он бы не справился без меня. Пойми, папочка, я... я боюсь потерять его... - тихо, сквозь всхлипы, прошептала она а испанском.

Она решила, что будет бороться до конца. Она не хочет разлучаться с любимым только из-за того, что у папы на работе какие-то проблемы. Ведь всё было нормально...

Тору Мотидзуки

Его ответы казалось бы немного успокоили отца Яреци, и Тору уже начал надеяться, что самым пессимистичным прогнозам не суждено было сбыться, как Морриса от их разговора отвлек телефонный звонок. Конечно, из него он не понял ни слова, но и одного тона оказалось достаточно, чтобы понять - где-то на другом конце произошло что-то, способное вывести отца Яри из себя. И это что-то в одно мгновение перечеркнуло его небольшие достижения.

Еще не отойдя от неприятного телефонного разговора, Моррис извинился и направился на кухню, где сейчас находилась Яреци. И если на возбужденную испанскую речь он, возможно, и не стал бы сразу реагировать, то характерный звук пощечины заставил его немедленно сорваться с места и броситься на помощь своей любимой девушке. Картина, представшая перед его глазами, сказала ему даже больше, чем слова, знай он испанский язык. Взбешенный Моррис и Яреци, с глазами полными слез. Этого было вполне достаточно, чтобы определиться в дальнейших действиях.

- Яри, - Тору прошел мимо разозленного отца, приблизился к девушке вплотную и, уже не сдерживаясь, обнял ее и начал успокаивающе гладить по голове. - Не плачь. Все будет нормально. Позволь мне продолжить разговор с твоим папой и, пожалуйста, не вмешивайся. - Его голос звучал нежно, но время от времени появляющиеся в нем стальные нотки намекали, что сейчас с ним лучше не спорить.

Отстранившись от Яреци и позволив ей отойти, Тору повернулся к Моррису и холодно произнес:

- Не думаю, что стоит срываться на вашей дочери. Как вы уже ранее сказали, она еще очень молода, поэтому ответственность за все произошедшее, в первую очередь, должен нести я. Так что все накопившиеся претензии прошу высказать непосредственно мне.

Сейчас они с отцом Яреци казались полной противоположностью друг друга. Высокий, крепкий мексиканец, с горящими гневом глазами и заметно уступающий ему в росте худощавый японец, удивляющей своей внешней безэмоциональностью, призванной скрыть нарастающее внутри смятение.

Моррис Фернандес

Боже, какой же он идиот. Перепутать кардамон с корицей... это же вообще две

разные приправы... Ох, Лауритта, как мне тебя сейчас не хватает... что же мне делать-то с этим идиотом?

Моррис был погружен в очень невесёлые мысли, связанные отнюдь не с любимой обожаемой дочуркой, а с тем, что в ресторане произошла катастрофа. Реальная катастрофа. До прихода высокопоставленных гостей осталось два часа, и уже никто не успеет сделать это блюдо. А без него не видать ресторану звезды. А он так долго к этому шёл...

Прикосновение рук дочери к его ладони его немного остудили, и он холодно посмотрел на неё. Вспышка агрессии прошла столь же быстро, как и появилась, и он убрал свою руку. Покачал головой, продолжая холодно смотреть на бледную девчонку. А потом пришёл её ухажёр, который сразу стал нервировать.

- Перестань реветь и иди в гостиную доедай, - грубо сказал он. - И не смей подслушивать.

Когда она ушла, он хмыкнул и посмотрел на мсье Мотидзуки.

- Это всё очень трогательно, мсье Мотидзуки. И, знаете... - глаза сверкали гневом, а голос он старался делать стальным. Обычно таким голосом он разговаривал с поварами, иногда с кем-то из непутёвых родственников жены, вот сейчас, например, с Тору.- Я ценю Вашу заботу по отношению к ней, но, к сожалению, вынужден отказать ей в желании быть с Вами. Поймите меня правильно - я хочу ей счастья. И я не могу быть уверен, что Вы не прогоните её, если она что-то не сможет сделать. Она вон даже подогреть еду нормально не может.

Мужчина замолчал, глядя на японца.

- Если Вы её любите и действительно желаете ей счастья, то должны отпустить её.

Яреци Фернандез

Папа грубо убрал свою руку, и это вызвало новый поток слёз и рыданий. Она не знала, что говорить, но она хотела показать папе, что она счастлива с Тору, что она не может без него жить. Но как ему доказать это? Он же теперь точно никогда не разрешит ей быть с любимым. Он отвезёт её в Испанию, и что потом? Она... будет как очередная принцесса, запертая в замке дракона. Она будет ждать своего принца, который убьёт дракона и освободит её. Но ей не нужен принц. Ей нужен только Тору. Её любимый Тору, который сделал всё возможное и невозможное, чтобы пойти на этот разговор. Она видела, как ему трудно, она чувствовала, что он боится, но он пошёл на этот разговор. Он не испугался.

Вот и сейчас Тору её обнял. Снова спас. Она тихо всхлипнула на его слова и посмотрела на отца. Когда тот рявкнул, она вздрогнула быстро ушла, закрыв за собой дверь на кухню. Но она не могла думать ни о какой еде, поэтому остановилась за дверью и, затаив дыхание, стала слушать.

Папа не хочет, чтобы Тору был здесь. Папе он не понравился, и она больше никогда не увидит своего любимого. Рыдания стали её душить, но в то же время появилось

что-то другое. Не агрессия, нет. Что-то иное, какая-то уверенность, что она может быть сильной. И может бороться за своё счастье. Она решительно открыла дверь и вошла на кухню. Встала между Тору и отцом.

- А почему ты не спрашиваешь меня, чего хочу я? Я выбрала свой путь, мне нравится он, и я не хочу ничего менять. Пойми, я хочу жить с любимым человеком. Я... я не боюсь трудностей. И я не собираюсь ехать с тобой в Испанию! - Она старалась сделать свой голос спокойным, но сердце сильно колотилось в груди. Было страшно. И за то, что послушалась папу. И за то, что не послушала Тору и влезла в их разговоры. Но она не могла просто сидеть и есть салат, когда поняла, что за дверью решается её судьба. В прямом смысле.

Тору Мотидзуки

Версия отца Яреци о том, что он прогонит девушку, когда она, в будущем, сделает что-то не так, показалась Тору надуманной. За ней явно стояли какие-то иррациональные страхи, не позволяющие принять его как потенциального зятя, хотя вроде бы серьезных оснований для того не находилось. Нет, конечно, подобные основания были, как, например, огромная разница в возрасте, но про них Моррис почему-то ничего не говорил, придираясь к сомнительным моментам. Ведь будь на его месте совсем другой человек, никто так же не мог бы гарантировать его полную надежность.

- Прошу меня извинить, но я придерживаюсь другого мнения.

Тору не успел развить свою мысль, поскольку на кухне снова появилась Яреци, полная решимости отстаивать свои интересы. Ну вот никак не хотела она немного подождать, пока они поговорят, еще больше провоцируя отца своим непослушанием. Но в этом была вся его Яри, и он любил ее такой.

Мягко, но, при этом, достаточно настойчиво, переместив девушку за свою спину, чтобы она не получила очередную пощечину, Тору вновь постарался вернуть все внимание отца к своей персоне.

- Как я пытался сказать ранее, от вашей дочери я не стану отказываться ни при каких обстоятельствах. Более того, я намерен с ней жить здесь в России или в каком-либо другом месте. Мне не важно. И, смею вас заверить, что при соответствующем желании Яреци, которое она, собственно, только что и высказала, вы никак не сможете этому помешать.

Тору мог сказать еще немало интересного по соответствующему вопросу, но пока решил остановиться. Даже того, что он уже успел наговорить могло хватить на вспышку ярости и летящий ему в челюсть кулак. И пусть, где-то в глубине души он прекрасно понимал беспокойство отца Яреци, ставшее причиной его неуступчивости, но отступать от своих позиций даже на крохотный шаг, он не собирался.

Моррис Фернандес

Он холодно смотрел на мсье Мотидзуки, слушая его речь. Только вот речь даже не началась, так как между ними вклинилась Яреци. Она снова послушалась его, и он

просто удрученно покачал головой. Ее речь он выслушал с презрительной усмешкой и холодным стальным взглядом. Он был удивлен ее отважности, ведь никогда раньше она не позволяла себе хамить. Хотя в данном случае никакого хамства не было, но все-таки он не был уверен, что она это делает осознанно. Последнее время она слишком изменилась, и, как ему казалось, в худшую сторону. Слишком сильное влияние на нее оказывал, как ему казалось, и этот китайский монастырь, в который он так спокойно отпустил свою дочь, и этот человек. Не стоило, наверное, ее так спокойно отпускать в эту поездку. Нужно было, наверное, по ее приезду больше проводить с ней времени. Он, наверное, сам виноват, что так все случилось.

Когда ее возлюбленный отодвинул его любимую дочурку себе за спину, глаза мужчины наполнились холодной яростью. Он выгнул правую бровь, презрительно усмехнувшись на реплику мужчины, который сказал, что готов всегда её оберегать и, если она сама не захочет жить дома, поддерживать. Может поверить, принять и простить?

Моррис на некоторое время задумался, выбирая тактику дальнейшего поведения. Хотелось врезать этому нахальцу, но он понимал, что дочь может в последний момент снова вклиниться между ними. А её ударять он совсем не хотел. И за ту пощёчину ему самому было неприятно, и он хотел извиниться перед ней. И вся эта ситуация была абсурдна до безобразия. Эх, Лауритта бы сказала, что они ведут себя как подростки, которым кроме как махать кулаками ничего и не надо. И она бы оказалась права.

Но он не мог просто так понять и простить, а уж тем более принять. Он сжал руку в кулак.

Яреци Фернандез

Вот так получается, что одному родителю нравятся все ухажеры дочери, а другому не нравится никто. Так было и у Яреци. Ее маме нравились и Паша, и Максим, и даже Тору, хотя по поводу своего любимого Тору она боялась больше всего. И она не знала, что делала бы, не понравься Тору маме. Наверное, было бы намного больнее и тяжелее. Но мама примет Тору, она даже заставила папу поехать сюда и помириться с ней. Поговорить с ее возлюбленным. Накормить вкусным обедом, как он умеет. Но все почему-то пошло не так. Хотя понятно, почему. Она подслушала разговор папы с Тору и не проследила за кесадильей.

И вот сейчас Тору расхлебывает последствия ее любопытства. Его голос был холодным, со стальными нотками. Такой же, как при их первой встрече. Она зажмурилась, а потом увидела, что папа сжал руку в кулак. В его глазах плескался гнев, и девушка сглотнула. Первой мыслью было убежать, не видеть весь этот ужас, ведь она не сомневалась, что папа может ударить своего... соперника? Да, наверное Тору для него как соперник. Они оба ее любят, каждый по-своему, и они не хотят уступать друг другу. Ну вот почему все нельзя решить миром?

- Папа... - прошептала она, вставая снова между ним и Тору. Подошла ближе к отцу и заглянула в его глаза. Сердце колотилось от страха, но она не могла все это не высказать. - Успокойся. Если ты хоть пальцем тронешь моего любимого Тору, то... я... я не уйду с дороги. Тебе придется тронуть меня. Я... если это произойдет, то я...

ты меня больше никогда не увидишь. Я не отступлюсь. Я люблю Тору, и я не хочу жить без него.

Снова по лицу потекли слезы, а тело стала сотрясать мелкая дрожь.

Тору Мотидзуки

Кулак отца Яреци, добавившийся к его и без того не самому доброжелательному виду, заставил Тору собраться, чтобы правильно среагировать в случае, если Моррис решит пустить его в ход. С имеющимся боевым опытом мастер японского меча, скорее всего, без особых проблем увернулся бы от атаки, но он не был уверен, что это следует делать. По его мнению, отец Яри имел право выразить свое недовольство в столь грубой форме, и, позволив ему сделать что-то подобное, Тору, согласно заложенным еще в семье представлениям, мог выразить уважение к его позиции. Конечно, чего-то большего японец никогда бы не позволил, но даже эта малость наверняка напугала бы Яреци, не до конца понимающую, в какой среде он воспитывался, и как эта среда продолжала влиять на него даже по прошествии большого количества лет. А заставлять девушку переживать еще сильнее Тору не хотел.

Размышлять о том, как стоит себя вести, если Моррис решит пустить в ход кулаки, пришлось недолго. Первый шаг, прервав молчаливое противостояние двух мужчин, сделала Яри, снова бросившаяся отстаивать свои интересы и параллельно попытавшаяся защитить его от возможной агрессии со стороны своего отца. И как бы Тору ни были приятны ее слова, он чуть ли не скрипнул зубами от злости, когда девушка безрассудно вылезла из-за его спины и снова начала провоцировать и без того раздраженного родителя.

- Яреци, - Тору почувствовал себя глупо, сгребая девушку в "охапку" и, в очередной раз оттаскивая ее на безопасное расстояние. - Не надо громких слов и вызовов. Мне, кажется, твой отец и так понял, что мы не собираемся расставаться в угоду его или чьим-нибудь еще желаниям. И у него есть возможность либо принять это, либо нет. Но наши отношения от этого все равно не изменятся.

Хоть Тору и разговаривал с Яреци, вероятно, всем заинтересованным лицам было понятно, что его слова во многом адресуются ее отцу. А в совокупности с провокационным нежеланием выпускать девушку из своих объятий, Мотидзуки и вовсе грозило окончательно сорвать их встречу и стать для Морриса кем-то вроде личного врага. Но, вступив в конфронтацию, Тору уже не мог остановиться, окончательно забывая о своем недавнем грамотном и корректном поведении, чуть не принесшем успех. Так что спасти стремительно ухудшающуюся ситуацию сейчас могло разве что только чудо.

Моррис Фернандес

И снова дочь влезла туда, куда ее не просили. И снова она стала защищать своего возлюбленного. И в очередной раз Моррис понял, что, наверное, все-таки стоит это принять и отпустить. Но почему это так сложно? Он глубоко вздохнул, посмотрел на Мотидзуки, который крепко обнял его малышку, и понял, что все-таки они настроены решительно. Они действительно любят друг друга. Потому что только слепой не увидит этого. И с этим надо что-то делать.

Первым желанием на речь дочери было хорошенько ей врезать. Но он поборол в себе этот приступ ярости и просто холодно посмотрел на нее и ее мсье. Вздыхнул. Ситуация казалась безвыходной, и он не знал, что ему делать дальше. Выгнать дочь с ее мсье или попробовать вернуть все на начальную стадию разговора, когда все начиналось более спокойно и цивилизовано? Он знал, что если он выгонит дочь, то та больше никогда не вернется. Если, конечно, снова Лаура не начнет ему компостировать мозг, что он поступает неправильно. А он тоже не хочет извиняться.

Он глубоко вздохнул.

- Хорошо. Я постараюсь принять тот факт, что ты будешь жить со своим мсье, что ты его любишь и никогда не уйдешь от него. Но только ты должна понять, что в этом случае со всеми проблемами ты будешь разбираться сама. Я перекрою тебе финансовую поддержку. Ты можешь сюда приходить когда ты захочешь, но твоего мсье я видеть не желаю. Если ты согласна, то на этом мы можем закончить разговор. Если вы голодны, то можете поесть. Я больше не буду срываться на твоём мсье.

Голос Морриса был спокойным настолько, насколько это было возможно учитывая обстоятельства. Он отдавал ощутимым холодом. Мужчина старался не смотреть на Тору, уделив все внимание только своей дочери. Высказавшись, он развернулся и ушел в гостиную. Подошел к окну и взял сигарету. Закурил и задумался. Наверное, все-таки стоит попробовать вернуть то, что было до вспышки ярости...

Яреци Фернандез

Ей казалось, что папе не понравились ее слова. Это подтвердил и Тору, обняв ее и довольно холодным тоном в спокойной манере сказав все, что его волновало. Она сначала хотела выбраться из его объятий, чтобы не провоцировать папу, ведь она видела, какой у него неприятный и холодный взгляд, когда он видел, как ее обнимают чужие руки. Как же хотелось, чтобы папа все-таки принял Тору, чтобы везде были мир и спокойствие. К сожалению, это невозможно.

Папа долго молчал, и она уже настроилась получить от него новую пощечину, но он стал держать слово. Говорил он холодным голосом, стараясь делать тон спокойным. Слова ей не понравились, но это было ожидаемо. И это было лучше, чем рукоприкладство. Когда папа ушел, она глубоко вздохнула и, поцеловав своего любимого в щеку, вырвалась из его объятий.

- Прости... я поговорю с ним... - сказала она и направилась в гостиную. Папа стоял около окна и курил. Это происходило настолько редко, и было во время очень серьезных проблем. Мама не знала, что он курит, да и она сама узнала об этом, когда ей было лет десять. Она сохранила тайну отца, не сказав об этом маме, но сама не была довольна этим.

- Папа, не кури, пожалуйста. У тебя больное сердце, тебе нельзя курить. Я... мы, наверное, пойдем. Я приму твоё предложение. Если ты не хочешь принимать Тору, то я... я не буду показываться тебе на глаза, чтобы тебя не нервировать. Спасибо тебе, было очень вкусно.

Она вздохнула и покинула гостиную. Надела кроссовки и куртку и стала ждать Тору. Было больно, но она не хотела поступать иначе.

Тору Мотидзуки

Тору очень не любил уступать и отступать. И если с первым он как-то разобрался, твердо отстаивая свои позиции, то со вторым все было немного труднее. Смысла продолжать эту беседу, после того как отец Яреци четко высказал свое мнение по вопросу их отношений, не имелось никакого. Тот явно не желал больше видеть рядом со своей дочерью его японскую физиономию, хотя так и не высказал, по мнению Тору, ни одного достойного аргумента против. Единственным положительным моментом сегодняшней, по большому счету, провальной встречи стало то, что Моррис перестал пытаться запретить Яреци самой решать с кем и как жить и, при этом, не отказал ей в возможности вернуться домой. Так что, несмотря на неприятный осадок от всего произошедшего, Мотидзуки не мог ни признать, что все могло бы сложиться намного хуже.

Оставаться дальше в доме, где ему были не рады, Тору больше не видел никакого смысла. На данный момент он сделал все, что от него зависело и не противоречило его взглядам и убеждениям. Конечно, японец не собирался признавать свое окончательное поражение в деле налаживания отношений с родителями любимой девушки, но он прекрасно понимал, что сейчас подошел момент на некоторое время отступить, подумать, что с этим делать дальше и, конечно, успокоить расстроенную Яреци. И, пожалуй, именно последним следовало заняться сразу, как они покинут "вражескую территорию".

- Благодарю за угощение. - Тору все же зашел в гостиную, чтобы попрощаться и выразить свое уважение к Моррису как отцу Яреци. На самом деле к еде он даже и не притронулся, но это не мешало ему соблюдать все необходимые требования этикета. - Желаю, чтобы вы пребывали в добром здравии и посчитали возможным еще раз подумать на эту тему.

Больше Тору ничего не говорил, быстро одевшись, взяв Яреци за руку и направившись в двери. Если Моррис снимал с себя ответственность за свою дочь, то он собирался полностью взять ее на себя. Раз уж его угораздило оказаться весьма оригинальным в своих любовных предпочтениях, он был готов разбираться с последствиями всего произошедшего. Ну а отношения с родителями... По крайней мере отец Яри отнесся к нему не хуже, чем его собственный.
